

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Но боже упаси нас от ослов двуногих и двуруких,
Которым в голову взбредет направить друга в дар - осла!

Стихотворение-проклятие, за которым видно бессильное отчаяние поэта:

Да, если даже целый мир будет охвачен тиранией,
Ни к одному страдальцу на земле не снизойдет своей защитой
небо.

От звезд и от небес все наши беды, знай!
Пусть будут прокляты и небеса и звезды!

Подобные стихи-реплики, которыми профессиональный поэт вел свой диалог со временем, несомненно принадлежали к сфере живого человеческого общения, они многое могут сказать нам об идеологии предмонгольского общества и о речевой культуре средневекового восточного города.

-
1. Э.Н.Ворожейкин. Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII - начало XIII в.). М., 1984.
 2. *Lubābu l-Albab of Muhammad Awfi*. Ed. by E.G.Browne and *Murza Muhammad*. London-Leyden, 1906, Part I; London-Leyden, 1903 part 2.
 3. *The divan of Anvari*. Vol. II. Ed. by M.T.Modarres Razavi. Tehran, 1961, p. 612, 706, 588.

Л.В.Жданова

ТЕМА "СНЕГА" В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЛИ ГЮБО (II68-II24I)

Человек средневековой Кореи воспринимал окружающий его мир в рамках уходящей в глубокую древность самобытной традиции, для которой не все элементы и явления зримого космоса были одинаково значимыми. В результате их отбора, происходившего в недрах культуры, складывалась определенная картина мира человека корейского средневековья. Наиболее четко она прослеживается на материале поэтического текста, несущего как бы в спрессованном виде большой объем информации мировоззренческого характера. Наша задача - попытаться со временем воссоздать с помощью статистических и иных методов картину мира, запечатленную в поэтическом творчестве отдельного автора, принадлежащего средним векам в Корее. Целью настоящих заметок является выявление и описание (на уровне поэтических образов) одной из составных частей этой картины - стихии

снега, вдохновившей крупнейшего корейского поэта XII-XIII вв. Ли Гюбо на создание ряда стихотворений.

Ли Гюбо писал по-китайски. В современной ему поэтической традиции на родном языке, насколько можно судить по сохранившимся текстам, "снег" не представлен. В более поздней корейской поэтической традиции на родном языке, в частности в жанре сиджо XVI-XIX вв., "зиме" и "снегу" отводится менее места, нежели "весне" и "ветру", например, или "осени" и "дождю".¹

О корейской поэтической традиции на китайском языке, связанной с этой темой, мы можем судить по антологии XVI в. "Тонмунсон". В ней теме "снега" посвящены стихотворения, принадлежащие Лим Юджону, автору, предшествующему Ли Гюбо, Ли Инно (1152-1220), старшему современнику поэта, и Ли Джэхёну (1287-1367). Факт включения в антологию этих стихотворений говорит о том, что корейской поэзии на китайском языке тема "снега" не была чужда.

Предварительное рассмотрение стихотворений упомянутых авторов показывает, что трактовку этой темы они черпали главным образом из китайской поэтической традиции, в которой тема "снега" была довольно популярной (ср. творчество прославленного сунского поэта Су Дунпо, жившего более, чем на столетие ранее Ли Гюбо).²

Стихотворения Ли Гюбо, посвященные снегу, можно разделить на две группы: 1. стихотворения-размышления о природе такого феномена как снег (в их заглавия входит глагол "воспевать" - кор. ён, кит. юн); 2. стихотворения, в которых снег предстает как календарная примета (в их заглавиях фиксируется время в пределах циклического года, лунного месяца, дня и времени суток). В первой группе стихотворений доминирует созерцательное начало. Созерцание снега дает толчок последующим мыслительным усилиям автора, реализующимся в русле буддийско-даосской традиции, во второй - акцент делается на практических наблюдениях земледельца, предсказывающего по выпавшим осадкам урожай важнейших культур (здесь "снег" связан с аграрным циклом). Обращает на себя внимание, что как в первой, так и во второй группе снег менее всего выступает как эстетически значимое явление.³

Остановимся на одном из стихотворений Ли Гюбо, принадлежащим к первой группе, и попытаемся выявить стоящие за ним представления:

Воспевание снега.

[Словно] разрежали воду // и сделали чистые цветы. (1)

Мгновение - // и [они] вновь стали водой. (2)

Все это очень // напоминает фокусы. (3)

- Подумал: Небо, // конечно, не таково [чтобы их проделывать]. (4)
 Часто кажется мне, // уж не дождь ли, падая с вышины, (5)
 Оказался подверженным // холоду. (6)
 На полпути [к земле] // [капли его превратились] в замерзшие (7)
 цветы,
 Неожиданно напомнившие // цветы из прекрасной яшмы. (8)
 Вот то, во что как будто // превратился дождь. (9)
 Кто // вырезал [эти цветы]? (10)
 Внимательно разглядываю // искусно [сделанные] шесть (II)
 лепестков.
 Безусловно, // это - труд самого Неба. (I2)
 Небо - поистине // фокусник. (I3)
 Никогда не // знаешь его намерений. (I4)
 Смотрю, как на солнце // [снег] тает и становится влагой. (I5)
 И снова сливается // с потоками дождя. (I6)
 Если захочет, // вновь станет цветами. (I7)
 А они - как // сами впитаются в землю? (I8)
 Небесный механизм - // тайна, ее трудно разгадать. (I9)
 Поставил вино // и в одиночестве пьянею. (20)

[/8, т. III, 9 (45)]

Сквозной образ этого стихотворения - образ "снега - цветка". Снег сравнивается с чистыми цветами, которые сделали, разрезав воду (I строка); с замерзшими цветами, в которые превратились капли дождя (7 строка); с цветами, напоминающими цветы из яшмы (8 строка); с цветами с искусно вырезанными шестью лепестками (II строка).

Образ "снега - цветка" имеет давнюю традицию в дальневосточной поэзии. Встречается он и в корейской поэтической традиции на родном языке. Ср. сиджо, приписываемое Чон Чхолью (1537-1594):

В сосновом лесу выпал снег.

Каждая ветка - цветы!

Одну ветку хотелось бы сломать

И послать государю.

Но государь лишь посмотрит на цветы,

Как они тут же растут.

[/7, IOI?]

В основе этого поэтического образа лежат, по-видимому, архаические представления о снеге как о женском начале. Не случайно, в китайской культуре снежинки мыслились как цветы, отличающиеся от обычных лишь числом лепестков (шесть, а не пять)⁴ и потому принадлежащие к началу и нъ [/9, I54]. В пользу этих представлений

говорит и сохранившийся в одной из сунских повестей осколок, видимо, некогда существовавшего мифа, согласно которому снегом ведало женское божество по имени Дун Шуанчэн. Особый интерес вызывает атрибуты божества: кувшин из прозрачного стекла, в котором Дун Шуанчэн хранила снег, и золотые палочки для еды. Всего несколько снежинок лежало на дне кувшина. Когда небо затягивали снежные облака, Дун Шуанчэн палочками для еды била по кувшину и вытряхивала из него одну снежинку, после чего на землю падал благодатный снег толщиной в один чи [6, 104-105]. Согласно этому китайскому мифу, появление снега на земле связано с космическим актом творения божественной женщиной из одной "первоснежинки", хранящейся в специальном сосуде (ср. с хранением дождя в вазе, наполненной водой, которую божество дождя разбрызгивает кончиком своего меча, а также с хранением ветра или ветров в мешке другого китайского божества [10, 275]), множества снежинок. Битье золотыми палочками для еды по сосуду богиней снега (функционально тождественное разбрызгиванию кончиком меча воды из вазы божеством дождя) призвано было стимулировать этот акт творения.

Не менее архаичным представлениям обязан своим существованием и такой образ, распространенный в ранней корейской и японской поэтических традициях, как "пена на волнах". Мы не случайно упоминаем его, рассматривая образ "снега" у Ли Гюбо. Он встречается еще у Чхве Чхивона (857-?) в четверостишии, связанном с так называемой "Банановой притчей" Лецзы. "Пена" в этом стихотворении имела следующее лексическое выражение: л а н х у а, кор. н а н х в а - "цветы на волнах". "Цветами на волнах", гонимыми ветром в весеннюю пору года, поэт предлагал любоваться тем, кто был занят проблемой относительности яви и сна (подробнее об этом см. [2, 80-85]). Сходный образ встречается в японской антологии "Манъёсю", где "пенистые волны" водопада ассоциируются с "белыми цветами", которые девушки "изготавливают для священных алтарей", установленных на месте погребения [1, 237]. Таким образом, различные, но равно соотносенные с белым цветом феномены природы - снег и пена осмыслены в корейской и японской традициях через один и тот же образ "цветка". В ранней же японской поэзии "снег" часто сравнивается с "пенной" (примеры см. [5, т. 2, 1639, 1651 и др.]) или вместе с "пенной" служит сравнением для цветов (чаще всего сливы). Ср.:

Когда бы я цветы душистой сливы,

Что вся, покрывшись пеной снега, расцвела ...

[5, т. 2, 1641]

Не потому ли, что не ведают цветы
О том, что в декабре снег белый выпадает,
Как пена нежная, -
Здесь сливы расцвели ...

[/5, т. 2, 1648/

Вернемся к стихотворению Ли Гюбо. Оно посвящено творению силами космоса "снега" и природе этого кажущегося загадочным явления. К проблеме "творения снега" поэт подходит с нескольких точек зрения. 1. Акт "творения снега" как и акт "творения цветов", мыслится этим автором как операция вырезания (глагол ц з я н ь, кор. ч о н и глаголы ц з я н ь к э, кор. ч о н к а к), т.е. орудования ножницами или же каким-либо другим режущим инструментом божеством (как в стихотворении "Воспеваю хризантемы", где цветы "вырезает" - ц з я н ь к э мифический Зеленый император - ц и н д и, кор. ч х о н ь д ж е), либо некоей высшей силой - Небом, которое в некоторых китайских текстах представлялось персонафицированным (см., например, роман Ло Гуаньчжуна "Троецарствие", где одному из ученых задают серию вопросов типа "Есть ли у неба голова и в какую сторону она обращена?", "Есть ли у неба уши?" и т.д. /4, т. 2, 327/). 2. "Творение снега" представляется как игры Неба (образ Неба как фокусника - х у а н ь с и, кор. х в а н х в и),⁵ в основе которых лежит принцип превращения одного в другое. 3. Снег мыслится как производное от дождя (образ застывших капель дождя как яшмы).

Какой же предстает в стихотворении средневекового корейского поэта природа снега? Снег в стихотворении Ли Гюбо выступает как стихия, легко претерпевающая метаморфозы. Исключительная подверженность снега изменениям навевана не одной лишь буддийской идеей бесконечного превращения одних феноменов бытия в другие, но и связана, как мы полагаем, с предшествующими проникновению на Дальний Восток буддизма культурными представлениями о природе воды, являющейся исходным материалом, из которого силы космоса творят снег, и природе цветов, мыслящихся подобными снегу. И вода, и цветы на Дальнем Востоке несут идею нестабильности, постоянной изменчивости мира. В стихотворении даны два типа метаморфоз, присущих снегу. Первый тип связан с представлениями о замкнутом, круговом характере превращений различных феноменов бытия (цепочка: вода - цветы (снег) - вода). Второй - порожден иными представлениями. Согласно им, снег выступает как стихия, на определенном этапе (при соприкосновении с землей) не подверженная превращениям, как бы разрывающая круг бесконечных трансформаций (цепочка: дождь - цветы

(снег) – земля). Размышления об этом типе метаморфоз приводят поэта к переключению с буддийских представлений о взаимных превращениях различных феноменов бытия на даосские, связанные с выходом личности из круговорота жизни, с преодолением ее проблемы постоянно происходящих в мире перемен, с признанием личностью всех явлений в мире как тайны "Небесного механизма" – т я н ь ц з и, ⁶ кор. ч х о н к и, познать которую невозможно. Отсюда и чисто даосский выход из тупика, в который завели поэта размышления о природе снега, – обращение к вину как к источнику забвения, как способу отключения сознания от суетного мира.

1. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить М.И.Никитину за предоставленные ей неопубликованные материалы по данной теме.
2. Насколько нам известно, эта тема до сих пор не привлекала внимания специалистов в области изучения литератур стран Дальнего Востока, чему способствовало, по-видимому, мнение о том, что она находится на периферии тем, получивших наибольшее распространение в литературах древности и средневековья в данном регионе. Между тем, с ней пришлось неожиданно столкнуться Л.З. Эйдлину, переводившему вьетнамские стихи, написанные по-китайски и датированные XII в. Л.З.Эйдлина поразило то, что эти стихи были созданы в стране, никогда не знавшей снега [3, 202]. Так вместе с языком распространялись далеко на юг и темы, связанные с иной культурной традицией.
3. По мнению В.Н.Горегляда, это существенно отличает данную традицию, представленную в творчестве известного корейского поэта периода Позднего Корё, от классической японской поэтической традиции, где эстетическое начало превалирует.
4. Ср. с четверостишием Чхве Чживона "Воспевание снега" (№ 4) из цикла "Семисловные стихи, в которых описывается сила дэ", первые две строки которого построены на числовых образах "пятицветная кисть" – "цветы о шести лепестках" (1 строка) и "третий месяц зимы" – "все четыре стороны" (2 строка), а 3 строка несет образы "непарного" – "парного" (о поэтических строках) и тем самым поддерживает идею нечетных и четных чисел в предыдущих строках.
5. Этот образ представляется необычным для китайской культуры с ее чрезвычайно развитым культом Неба. В предшествующей и сопутствующей Ли Губо китайской поэтической традиции, зафиксированной в "Пэйвэнь юньфу", нам не удалось его обнаружить.
6. Значение термина ц з и применительно к даосским текстам ис-

следовано В.М.Алексеевым в этюде ко второму стансу Ськун Ту.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Е.Глускина. Буддизм и ранняя японская поэзия (по материалам "Манъёсю"). - Индийская культура и буддизм. М., 1972.
2. Л.В.Жданова. Четверостишие корейского поэта Чхве Чживона и "Банановая притча" Ле-цзы. - ПИ и ПИИИВ. XIII годичная научная сессия ИО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983-1985. Ч. Ш. М., 1985.
3. Иностранная литература, 1976, № 9.
4. Ло Гуань-чжун. Троецарствие. Пер. В.А.Панасюка. Т. 1-2. М., 1954.
5. Манъёсю. Пер. с японского и комментарии А.Е.Глускиной. Т. 1-3. М., 1971.
6. Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X-XIII вв.). М., 1972.
7. Сиджо чип (чон) (Сборник сиджо (полный). - Чосон мунхак чонджип чеильквон (Полное собрание корейской литературы, т. 1), Сеул, 1941.
8. Тонгук И сангук чип (Сборник министра Восточного государства - И). Т. 1-УП. Сеул, 1984 (Серия "Коджон кугёк чхонсо", т. 166-172).
9. Цыхай, Шанхай, 1949.
10. *Asiatic Mythology*. New York, [1963].

М.В.Иванова

ЛЕГЕНДЫ О ЁСИЦУНЭ В "ГИКЭЙКИ" - "ПОВЕСТИ О ЁСИЦУНЭ" (XV в.)

На протяжении нескольких веков после окончания междоусобной войны между родами Тайра и Минамото складывались легенды о ее героях. Чаще, чем о других, рассказывали о храбром и добром воине Минамото-но Ёсицунэ. О его необычайной популярности в средневековой Японии говорит создание в эпоху Муромати "Гикэйки" - "Повести о Ёсицунэ".¹

Точное время создания произведения не известно, как не известно и имя его создателя. Рукописей эпохи Муромати (а ученые сходятся на том, что самое вероятное время написания произведения - начало XV века) не сохранилось. Ранние из известных рукописей относятся к началу периода Токугава. Кроме названия "Гикэйки" (или "Ёсицунэ ки", как оно прочитывается в некоторых изданиях) в рукописях имеются два варианта названия: "Ёсицунэ моногатари" и "Хо-